

Один из последних снимков Исаака Дунаевского, сделанный его сыном Евгением. Таким преуспевающего композитора не видел никто. Обратная сторона славы. "Арестант" собственных мелодий.

ДМИТРИЙ МИНЧЕНОК

Все сказки кончаются одинаково: "И жили они долго и счастливо". А начинаются по-разному — чаще всего с описания одиночества героев. В рассказе о жизни гения главное место занимает встреча гения с его музой. Исаака Дунаевского с Зинаидой Судейкиной познакомила ее сестра балерина Клава Судейкина, жена знаменитого Леонида Оболенского, создателя первого культового советского фильма "Кирпичики", не избежавшего, однако, трагической участи: он был репрессирован в тридцатых годах. Зинаида Судейкина была невысокой, стройной женщиной с очень породистым, выразительным лицом тургеневских героинь. Где мужчины встречаются таких женщин? В курзалах, в опере, в снах, в лице собственной матери...

Зинаида Сергеевна профессионально занималась классическим танцем. И если бы не разруха, сумасшедшее время, помноженное на гражданскую войну, она, возможно, стала бы великой балериной или, выражаясь современным языком, "звездой". В театральном училище юная Зинаида Судейкина училась вместе с Георгием Баланчивадзе, тем самым, который позже укоротит фамилию и станет легендарным Джорджем Баланчиным. Когда началась разруха, Баланчин предложил Зинаиде Сергеевне уехать вместе с ним в Европу. Говорил: "Зина, поехали, что тебе здесь делать?" Зинаида отказалась — и, как видно, не напрасно.

С влюбчивым Исааком она гораздо ближе познакомилась на летних гастролях по югу России в 1924 году. Может

Исаак Дунаевский — один из абсолютных гениев советской эпохи. Его без преувеличения можно назвать красным Моцартом. Он создал легкий стиль большой эпохи — пятилетка за четыре года под аккомпанимент марша на четыре четверти. Проходят годы и его имя все больше и больше обрастает легендами. Все стареют — его музыка претерпевает обратные изменения. Он прожил очень сложную жизнь, знал любовь и страсти. Его гениальность необъяснимым образом была связана с его талантом любить. Увлечения переплавлялись в вдохновение. Музыка порождала любовь, а любовь порождала музыку. Две дороги сливались воедино.

Ни один другой мужчина в советское время не мог похвастаться тем огромным запасом энергии, который хранился в Дунаевском. К нему бумерангом вернулся миф о Данко. Его талант ассоциировался с пламенем — он нашел формулу шума времени. Мало кто знает, какой мукой оборачивалась его внешнее благополучие.

КАК МНОГО ДЕВАЛИШЬ ХОРОШИХ

быть, в Ростове, может быть, в Симферополе. И на тот, и на другой город указывает достаточно количество источников. Зинаида Судейкина танцевала в представлениях, которыми Исаак аккомпанировал. Летняя мода той поры — укороченное платье с короткими рукавами. На всех фотографиях женщины выглядят ностальгически-совершенно — ничего лишнего...

У Исаака и Зины общая формула начала жизни. Как у плюса и минуса. Во-первых, Зина родом из-под Харькова. Во-вторых, она рано стала самостоятельной. Потом выяснился факт вообще эзотерический — зеркальная схожесть их семей. У Исаака семья — пять братьев и одна сестра, а у Зины — пять сестер и один брат. С отцами — все по-другому. Отец Зинаиды — Сергей Судейкин. В его роду царские генералы. Доказательство сановных предков — на его лице. В семейном архиве хранится карточка скульптуры, вылепленной с деда Евгения Исааковича. Римский патриций николаевской эпохи. Тонкий нос, вытянутая породистая форма черепа.

С присущей ему любознательностью Исаак узнает о Зине много интересного. И еще раз дивится случайным совпадениям.

Их роман в далекой южной провинции был наивным и безыскусным. Влюбленный Ромео дождался свою возлюбленную с букетом роз или сирени. Через десяток лет молоденькая актриса Лидия Смирнова будет страшно гордиться тем, что получила такую же сирень от знаменитого Дунаевского.

Молодые поженились в 1925 году. Но поскольку были оба бедны — не имели даже собственного угла, — свадьбы не играли. Их жизнь стала парной, как жизнь человека и его тени. Исаак дал любимой свое собственное имя — Бобочка.

Первая серьезная проблема в их жизни — "квартирный вопрос", который испортил не одно поколение советских граждан. "Квартирный вопрос" и советская власть оказались антагонистами. Исаак Дунаевский в то время жил в общежитии театра сада "Эрмитаж", с той лишь разницей, что "коробку с красным померанцем" — его каморку — поменяли на пенал для новобрачных. А они мечтали купить собственную квартиру. Мечта каждого советского гражданина! Весь вопрос в том, как это сделать. Если за деньги, то их надо было сначала заработать. Сделать это в Москве той поры представлялось довольно трудным.

Дунаевский решил уехать из столицы, где он всего лишь полтора года назад с трудом обособился. Это был трезвый расчет женатого человека — на юг! Мысль Дунаевского была до гениальности проста. Поехать в Симферополь и с помощью всевозможной, по собственному выражению молодого Дунаевского, "халтуры" — о это благословенное для творческих работников слово! — накопить денег для покупки квартиры в Москве. Исаак посоветовался со своими ближайшими советниками: сестрой Зинаиды — Клавой Судейкиной, ее мужем Леонидом Оболенским. Одобрение было единогласным. Они приехали в Симферополь в октябре 1925 года. В городе было лето. Во всяком случае, так показалось Дунаевскому. Он писал своей свояченице Клаве Судейкиной: "В ноябре было 16 градусов в тени".

Когда в декабре в Москве наступила страшная зима, Исаак и Зина бегали смотреть на южное море, которое не покрылось льдом. Белый панцирь вблизи казался молочной пленкой, которая поднимается, когда закипает молоко. Над этим чудом природы носились горластые чайки. Дунаевский чувствовал себя Зевсом-олимпийцем. Главный приз он получил — любил и был любим. Вдвоем с красавицей женой они в Симферополе стали столь же заметной парой, как в свое время его родители в Лохвицах. В свет "вылетело" первое печатное произведение Исаака — оратория "Коммунисты". Он пишет в письме к Судейкиным—Оболенским: "В свет выпрыгнула, наконец, моя халтура "Коммунисты". Мне стыдно за мое творчество. Это просто ирония, что первое мое печатное произведение сделано так. Впрочем, такие вещи лучше не пишутся. Но мне стыдно читать эти ноты наряду с симфонической сюитой. Денег мне еще, кстати говоря, не уплатили". Единственным утешением в неожиданном безденежье стало его дирижирование. Исаак вовсе не ожидал встретить в маленьком городе столько профессиональных симфонических музыкантов. Они не халтурили, не искали легкой жизни и исправно водили по натянутым струнам своими смычками, словно знаменуя смычку между пролетариями и интеллигенцией. Они выросли настоящими рабами империи звуков.

А Дунаевский имел в этом городе власть над всеми музыкантами, потому что умел сочинять музыку как бог. По крайней мере так говорили музыканты его оркестра. "Такое ощущение, что их специально пригнали сюда к моему приезду", — шутил молодой maestro.

Что есть Симферополь 1926 года для Дунаевского? Конечно, Эдем. Эдем, апогей счастья, райский уголок, созданный специально для Исаака с Зиночкой. Хроника рая — в письмах Дунаевского. "Бобочка сейчас лежит в постели (уже 12 часов) и болтает без конца, декламируя какие-то свои стихи. Мы живем с ней прекрасно. Очень светлое создание. Впрочем, она здесь порочно скучает. Общества нет, ходить, в общем, некуда. Занимается она вышиванием и дошла до высокой степени художества. Занимается она и балетом. Готовит-

ся к лету. Рисует пейзажи у меня на столе, за что ей изрядно достаётся. Поет".

Исаак полон планов. Думает научить Бобочку играть в шахматы. Но это оказалось бесполезным занятием... Его пребывание в Симферополе заканчивается триумфально. Он впервые выступает в роли режиссера-постановщика. Опыт окажется столь успешным, что Исаак еще не раз испытает соблазн ступить на режиссерскую тропу. В конце тридцатых годов он даже выскажет "крамольную" мысль, что мог бы "лучше Гриши Александрова снимать фильмы".

Дунаевский ставит спектакль "Смешанное общество" и дирижирует им. Все средства, вырученные от премьерного спектакля достались композитору. Но на квартиру в Москве их все равно не хватало. Театр проводил своего кумира в дальнюю дорогу, в конце которой по-прежнему маячили чужие коммунальные квартиры.

Дунаевскому предложили возглавить музыкальную часть Московского театра Сатиры — вместо умершего Юры Юргенсона. Заповедник интриг! Попав туда, Исаак узнал, что такое театральный мир и по каким законам он живет.

Летом он отправляет свою гордую дворянку Бобочку в ее "родовое" имение — домой в Андреевку. Дунаевский, оставшись один, тут же попадает в "историю". "Увлекся", и оказался "жертвой". Да еще и сам рассказал

ношения, несмотря на все душевные смуты, постигшие обоих.

"Какая сотня, каких женщин может заменить мне один твой золотой волос? Или ты всерьез меня считаешь дураком, способным променять мою жизнь с тобой на какой-то мираж? Во-первых, не наступила еще пора разочарований, неудовлетворенности. Во-вторых, прошла уже пора безрассудств и мальчишества, когда я идеализировал мои встречи с людьми. Я люблю тебя настоящей крепкой любовью. Я привязан к тебе всем своим существом, я удовлетворен эстетически. И это все дает мне необоримую веру в тебя. И думаю, что и вера в тебя объясняется твоей натурой, твоей честностью".

Все, что послужило причиной недоразумения, Исаак Осипович объясняет очень убедительно. "Есть во мне и жизнерадостность, и любовь к обществу, и, естественно, доза молодой ветренности. Ну и какое это имеет значение, что ж ужасного или неестественного в том, что одинокий мужчина иначе проводит свое время, чем в присутствии жены. Надо же это понимать. Не вульгарно и не как радость по поводу отъезда жены: "фу, слава богу, уехала". Твои слова о том, что с каждым годом нам труднее ста-

Любовь Орлова — одна из лучших исполнительниц песен Дунаевского и верный друг на протяжении многих лет.

обо всем Клавде — сестре Зинаиды Сергеевны.

Интрига запутана, да дело вовсе и не в ней, а только в силе душевных переживаний советского Моцарта. Говорить об этом было бы вовсе не к чему, если бы все это не стало тем "сором", из которого выросли волшебные мелодии.

Бобочка прислала гневное письмо Исааку Осиповичу, требуя объяснений. Дунаевский срочно пишет ей "покаянное письмо", которое стало на деле гениальным объяснением в любви к собственной жене. Он вывел свою формулу любви.

"Бывают, конечно, всякие настроения, и им, пожалуй, иногда следует давать выход наружу. Может быть, тебе доставляет удовольствие вариться в глупых подозрениях. Про себя этого не скажу. Так вот, моя родная, несмотря на твои все письма, моя любимая, единственная, видимо, тебя очень легко столкнуть в яму недоверия и подозрения. Это только лишний раз доказывает, что ты не очень слепо мне веришь. Да и как тут верить человеку, у которого такое "ужасное" прошлое, который даже при жене целые дни, вечера пропадает у женщин. Легко вообразить, каков он в отсутствие жены.

Легкая "информация" досужих людей плюс собственное воображение дополняют всю картину жизни современного "вдовца". А вот ударить бы этих информаторов по языку, да так, чтобы у них раз и навсегда пропала охота втираться в чужие отношения. Мне даже смешно в какой-либо степени опровергать твои слова.

И тут он произносит ключевую фразу, определившую их от-

ношения, разделяю и подтверждением моих слов так считаю, что у меня еще довольно много и совести, и чести. И вот в том ответе, который я держу перед собой, я должен признать, что твоё письмо очень поспешно по содержанию и к тому же очень несправедливо и обидно".

Это было странное письмо. С одной стороны, покаяние, а с другой — объяснение в любви.

Звонки из Ленинграда. От Леонида Утесова — кумира новых советских барышень. Приглашают работать в новый театр. Музыка-холл. Это значит, что можно махнуть рукой на все победы и поражения в Москве, забыть все сердечные дела и махнуть в Ленинград, город-мечту, где царит звенящая тишина... Исаак Осипович отдался невинному наслаждению сочинительства с удвоенной силой. Маэстро намеревался поразить своих новых коллег и соратников идеями. Каждый день он приходил с чем-нибудь новым. Вскоре появился новый друг — Николай Черкасов, для которого позже Дунаевский напишет музыку к уморительно смешной пьесе Николая Эрдмана "Одиссея".

Утесов охотно выслушал драматическую историю любви своего новоиспеченного друга, постоянно перебивая рассказ Дунаевского историями собственной любви. Узнав, как мучается композитор без Зинаиды Сергеевны, он немедленно потребовал, чтобы тот перестал скрывать свою красавицу жену и выписал ее в Ленинград. Дунаевский тут же позвонил Зине. Ответственный директор мюзик-холла това-

Танцовщица Наталья Гайрина надолго плевнившая сердце Дунаевского. Их роман закончился тяжело для обоих.

риц Грач организовал встречу жены композитора по первому классу: с пролеткой и носильщиком. Приезд Бобочки повлек за собой рождение новых мелодий. Девятый вал счастья! У них снова наступил медовый месяц, результатом которого стало рождение в 1932 году первенца Гени, Генички, Евгения Исааковича Дунаевского (ставшего замечательным художником)...

Его роботоспособность превращалась в легенду, а бытовая жизнь для большинства сов.граждан казалась экзотической. Как-то раз Зина, уехав кататься на жужжащей мотоциклке, вернулась домой перепачканная, с ссадиной на лице. Случилась авария — у мотоциклки слетела цепь. Зинушка довольно сильно разбилась, двухколесное диво пришлось бросить на месте, а самой кое-как добираться до дома. Исаак решил, что больше не будет разрешать Зине кататься на мотоциклке, да и сам, не очень ладя с рулем управления, отказался от идеи водить самому, и все последующие годы ездил только с личным шофером.

Високосная зима 1934 года оказалась лютой. Александров, как медведь, надел на Исаака Осиповича с бесконечными просьбами написать что-нибудь гениальное для Любови Петровны. В "Веселых ребятах". На него, в свою очередь, давил тогдашний "министр" кино — Шумяцкий. Все с каким-то маниакальным упорством пытались создать смешной фильм для красного бога и его народа.

Именно в это время он познакомился с Натальей Николаевной. Они познакомились случайно, в одной из ленинградских квартир. Она была танцовщицей — светло-русая блондинка с приятными чертами лица. Женщины подобного типа нравились Исааку Дунаевскому. Они пробуждали в нем какие-то ползабывшие воспоминания, смутные фантазии. Фантазии, которым надо было дать выход. Это было тяжелое время.

"Комсомолка" неожиданно начала травлю Дунаевского. Поэт Безыменский после выхода в свет "Веселых ребят" написал статью "Караул, грабят!", в которой обвинял Дунаевского и Александрова в плагиате. Он не обращал на это практически никакого внимания. В принципе, подобные слухи частенько сопровождали Исаака Осиповича, как только его песни зазвучали в каждой семье. Зависть всегда соседствует с успехом. Со стороны казалось, что он облакан. От Ленсовета ему выделили прекрасную четырехкомнатную квартиру на Гороховой улице в Ленинграде, и жизнь его жены и сына изменилась. Но за это благо приходилось платить. В это время главное связующее звено между ним и Бобочкой — их сын Гена. Ес-

ли бы не письма к его малышу, было бы совсем плохо. Он сам толком не отдавал себе отчета в том, что "это" произошло. Его тянуло к Наталье Николаевне, и бороться с этим было невозможно. Он стал с ней встречаться. Это каким-то удивительным образом требовало не столько его мужская натура, сколько музыка, сидящая в нем. Он завороченно слушал, как в нем расправляет крылья огромная волшебная мелодия, и ему было это приятно. Мелодия выливалась — и сразу становилось очень пусто, и требовалось наполнить душу снова. А для этого нужно было свидание. И было это все необратимо.

Хуже всего стало тогда, когда Зинаида Сергеевна это почувствовала. Исаак Осипович пробовал отшутиться, а потом понял, что бесполезно. И сердцем завладела другая, уже ноющая музыка, она проходила через самое сердце и распиливала его пополам. Можно было назвать это страхом, но Исаак Осипович знал, что это не страх. Они смотрели друг на друга и молчали...

Исаак Осипович по-прежнему вел жизнь курсирующего паромом между Москвой и Ленинградом. Приезжая в Ленинград, шел встречаться с Натальей Николаевной, одновременно разрываясь от желания прижать к себе Зинаиду Сергеевну.

Он искал повод все разорвать, отречься, но Наталья Николаевна его ни о чем не просила, ничего от него не требовала и, может быть, поэтому чем-то притягивала. По всей видимости, в ее сознании не было ничего корыстного. Они просто наслаждались обществом друг друга; полагая, что каждый откроет про другого какую-то бесценную истину, которую друг без друга ни никогда не познает.

Иногда он приходил к ней в дом, когда там находился ее муж-инженер. Это было тяжело для всех троих. Но Исаак Осипович на какой-то непонятной ему самому струне шутил, смеялся, обволакивал всех своим забором и умом, словно был факиром. Он как будто постоянно к чему-то прислушивался, и окружающие его люди это чувствовали, поэтому говорили тише, не приставали с вопросами и ждали, что скажет и как поступит он сам. А он сидел с Натальей Николаевной и ее мужем, казалось, что в мире все плохо, неустроено, но жизнь каким-то образом продолжалась, и в его сердце рождалась мелодия. В общем, соблазнов было так много... А роман с Натальей Николаевной закончился печально. После войны Исаак Осипович перестал ей звонить.

Фрагменты из художественно-биографического романа Дмитрия Минченка "Большой концерт Исаака Дунаевского". Полностью роман будет опубликован в издательствах "Олимп" и "Русич". Фото из архива Евгения Дунаевского.